

© 2011 г.

Академик Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ США. НОВОЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В издательстве “Наука” вышло в свет новое исследование известного отечественного историка, руководителя Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председателя Российской ассоциации историков-американистов В.В. Согрина¹. Оно подводит итог современного этапа его научных исследований, охватывающего не менее двадцати лет. Этап этот был отмечен важными нововведениями в отечественной исторической науке, среди которых можно выделить качественное расширение академической свободы, что позволило изучать общество без оглядки на те или иные идеологии, расширить диапазон теоретико-методологического выбора, разнообразить исследовательские приемы, всесторонне, полно и непредвзято анализировать разнообразные источники.

В новой историографической ситуации исследовательская деятельность В.В. Согрина носила новаторский характер, им были написаны обстоятельные монографии² и статьи³, посвященные разным аспектам и проблемам американской истории. И, наконец, опубликована фундаментальная монография, посвященная сквозному рассмотрению экономических, социальных, политических тенденций и перипетий американской истории, ее центральных проблем, таких, как социум колониального периода, нововведения эпохи Войны за независимость и образования США, джексоновская демократия, плантационное рабство, преобразования Гражданской войны и Реконструкции, Прогрессивная эра начала XX в., эпоха процветания 1920-х годов, Новый курс Ф. Рузвельта, постиндустриальное общество. Особенно пристален интерес исследователя к дискуссионным аспектам американского исторического опыта. Автор поставил в качестве принципиальной задачу критического переосмысления, уточнения, развития и, если необходимо, пересмотра сложившихся трактовок и концепций истории США.

В начале монографии автор счел необходимым развернуто изложить используемые им новые теоретические подходы к изучению истории США. Выделим наиболее важные. Первый – это цивилизационный анализ американской истории. Обозначив США как ло-

---

Севостьянов Григорий Николаевич – действительный член Российской академии наук, главный редактор журнала “Новая и новейшая история”.

¹ Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010, 581с.

² Согрин В.В. Идеология в американской истории. М., 1995; *его же*. Политическая история США. М., 2001.

³ Некоторые из них были опубликованы в журнале “Новая и новейшая история”: Согрин В.В. Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода. – Новая и новейшая история, 2001, № 1; *его же*. Война США за независимость как социально-политическая революция. – Там же, 2005, № 3; *его же*. Три ключевые проблемы в исследовании истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта. – Там же, 2007, № 5; *его же*. Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества. – Там же, 2008, № 3; *его же*. Экономическое неравенство в истории США. – Там же, 2009, № 1; *его же*. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение. – Там же, 2010, № 1; *его же*. Крупный бизнес США от “Позолоченного века” до “Прогрессивной эры”. – Там же, 2010, № 6.

кальную цивилизацию, продемонстрировавшую в своем историческом развитии преемственность основополагающих экономических, политических и, что особенно важно в цивилизационном рассмотрении, социокультурных характеристик, он дал емкий анализ тех, которых считает первостепенными. Это либерально капиталистический индивидуализм, англосаксонские корни (архетип), равенство возможностей, гражданское общество и политическая демократия, фронтир (предстоящий не только как географический, но и как социально психологический феномен), массовая иммиграция, меняющаяся по расово этническому составу, но остающаяся неизменно массовой.

Второй среди принципиальных теоретических подходов – междисциплинарный, включающий приемы, категории, понятия, характерные для социологии, политологии, антропологии и других социальных наук мирового общественнознания. Автор показывает, что без знания типологии политической демократии, разработанной в мировой политической науке, нельзя точно и глубоко постичь характер американской власти в самые разные исторические периоды, а без использования теории социальной стратификации современной социологии трудно классифицировать социальную дифференциацию и социальные общности не только сегодняшней эпохи, но и далекого прошлого. Вместе с тем он подчеркивает, что эти и другие разработки современных общественных наук являются теоретическим подспорьем для постижения существенных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей. Это же касается и цивилизационного подхода: его категории, как и категории любой иной обществоведческой теории, по формулировке автора, выражают “определенные важные тенденции, но не более того, они сродни скорее веберовским идеальным типам, а не неким “железным законам истории” (с. 13).

Третье принципиально важное нововведение – изменение взаимоотношения с американской исторической наукой. В советский период это взаимоотношение включало в качестве основополагающей составляющей борьбу с буржуазной историографией. Подобная установка означала, что возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась оппозиционная, зачастую непримиримая позиция. Этой установке автор противопоставляет иную – диалог и дискуссия со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителя той или иной школы. По ходу своего исследования при анализе каждой проблемы он приводит концепции всех основных школ и ведущих представителей американской исторической науки. Обосновывая собственную концепцию, автор неизменно подчеркивает, что за читателем сохраняется право на выбор той научной трактовки, которая представляется наиболее убедительной ему самому. И при этом доказывает, что приближение к научной истине невозможно без исследовательского диалога, который наряду с дискуссией предполагает восприятие даже у оппонента тех аргументов и фактов, которые неопровержимо подтверждаются исторической реальностью.

Четвертое принципиальное теоретическое положение касается репрезентативности используемого исторического материала. Автор указывает, что никакие, даже самые современные и универсальные теоретические инструментари, не могут поколебать той очевидной для любого историка истины, что основой его ремесла является накопление и включение в орбиту исследовательского рассмотрения максимального количества исторических фактов. В собственной работе он стремится опереться на весь объем фактических данных, накопленных в течение нескольких десятилетий изучения американской истории. Но для его изложения потребовалось бы несколько увесистых томов, причем даже этот объем не вмещает всей совокупности собранных или доступных исторической науке фактов, что неизбежно ставит проблему отбора и интерпретации репрезентативного исторического материала. Исследовательская позиция автора в данном случае заключается в представлении о разносторонности и противоречивости амери-

канского исторического опыта. Он поставил целью выявить как можно полнее разные стороны исследуемых явлений американского опыта, все их “плюсы” и “минусы” и, что особенно важно, найти их объективное соотношение, точную меру.

Понятия “плюсы” и “минусы” американской истории не могут не отразить присутствия в работе определенной мировоззренческой позиции. Она открыто формулируется автором: это гуманистический подход. Автор указывает, что приверженность ему декларировалась разными идеологиями. По сути, их определения мало отличались друг от друга. Например, марксизм видел свою цель в обеспечении свободного развития каждого как условия свободного развития всех, а многие либеральные мыслители одобряли идеал максимального счастья для максимального количества людей. Но марксистский идеал в практике реального социализма реализоваться не смог, да и либеральный идеал далек от воплощения в самых благополучных либеральных капиталистических обществах. И все же, по мнению автора, историк вправе использовать гуманистический подход при оценке характера исторических изменений в том или ином обществе. Улучшение материального положения, условий и качества жизни, свободы не одного или даже нескольких социальных классов и групп, а всех их, равно как и всех членов общества и всего народа – этот критерий, по признанию автора, присутствует в его сознании при оценке эволюции любого общества, в том числе и американского. Тут же подчеркивается, что данный подход в профессиональной исторической работе не может абсолютизироваться, приобретать характер императива, ибо это создает опасность перехода на чисто идеологическую позицию. Наиболее надежным противоядием от этой опасности является историзм – оценка исторических изменений в контексте конкретных возможностей и условий страны, а равно и в связи с тем, как, в каком направлении они обновили общество в сравнении с предшествующими этапами истории.

Приверженность историзму декларируют многие авторы, но на практике этот принцип нередко нарушают даже профессиональные исследователи. К чести автора нужно отметить, что нарушений этого основополагающего для историка принципа в его работе не встретишь, историзм присущ его исследованию органично, является его неотъемлемым методологическим принципом.

Оригинальна предложенная автором периодизация американского исторического процесса. Он разделен на шесть этапов, отразивших как преемственность, так и качественные изменения в развитии экономических, социальных, политических основ и тенденций американского общества.

Первый период, охватывающий 1607–1776 годы, ознаменовался противоборством тенденций, укоренявшихся под воздействием как английской колонизации, так и общественно-исторической специфики, порождавшейся самими американскими условиями. Соотношению этих тенденций и его изменению в книге уделено пристальное внимание. В качестве важной тенденции колониального периода выделено укоренение в Северной Америке двух капиталистических моделей. Одна, воплотившаяся в северо-восточных провинциях, представляла либерально-буржуазную модель, открывавшую наибольшие возможности для рыночной конкуренции, индивидуальной предприимчивости, социальной мобильности. Другая, пустившая корни и набиравшая силу в южных колониях, означала развитие уникального общественно-исторического гибрида – капиталистических по хозяйственной ориентации плантаций, но основанных на рабском труде чернокожих африканцев. Либеральная и нелиберальная капиталистические модели находились в сложных взаимоотношениях, но противоречивая сторона последних выступила на первый план уже после провозглашения независимости США, а в колониальный период они сосуществовали вполне мирно и даже достигли единства перед лицом репрессивной политики Англии.

В исследовании социальной структуры и социальных отношений в колониальной Америке специфическим чертам также уделено большое внимание. Специфика нижнего класса, включавшего в разные периоды колониальной истории от 20 до 30% населения Северной Америки, заключалась в том, что значительная и все увеличивавшаяся его часть состояла из чернокожих рабов. Что касается белой бедноты, то она делилась на

полусвободных законтрактованных слуг и свободных работников, при этом, по авторскому заключению, у обеих категорий сохранялись неравные, ограниченные, но, тем не менее, реальные возможности перехода в течение жизни в класс мелких независимых собственников (по преимуществу фермеров). Эти возможности обусловили достаточно большую численность средних слоев колониального общества – до 70% свободного белого населения. До 10% белых американцев принадлежали к верхнему классу, богатством серьезно превосходившего представителей среднего класса. В целом социальная структура белого населения Америки колониального периода выглядит менее контрастной и более эгалитарной, чем в Англии и в Старом Свете в целом. Гораздо более широкие, чем в Европе, возможности материального благополучия, в том числе вхождения в класс независимых собственников, обусловили феномен нарастающей европейской иммиграции в Северную Америку.

Более успешно, чем в Англии, развивались в Северной Америке начала представительного политического правления. Колонисты следовали политическим и правовым нормам метрополии, но последние в силу американской специфики развивались более демократично. Специфика заключалась в том, что более широкое распространение среди колонистов земельной собственности способствовало и более широкому наделению их избирательным правом. Но недемократические черты преобладали в колониальной политической культуре. Она в целом характеризуется автором как близкая к типу подданническо-патриархальной: рядовые избиратели признавали приоритет выдвиженцев из богатых семей и на протяжении всего колониального периода делегировали во власть представителей соперничающих кланов верхнего класса.

Главным препятствием для успешного развития в Северной Америке либерально-капиталистических и демократических начал, как доказывает автор, являлась зависимость от английских властных институтов. Американцы противопоставили их политике те же аргументы, с помощью которых Вольтер, Монтескье и Руссо критиковали европейский абсолютизм. Вот почему антиколониальная идеология, по заключению автора, формировалась и развивалась как национальная идеология Просвещения. Англия категорически отказалась внять доводам американцев и они, как доказывает В.В. Согрин, должны были вынужденно пойти на разрыв со страной, в которой в течение почти всего колониального периода видели свою основную родину.

Второй рассмотренный в монографии период, охвативший сорок лет от провозглашения независимости США в 1776 г., определяется автором как эпоха первой национальной либерально-капиталистической трансформации. Огромную роль в ее развитии сыграла Война за независимость 1775–1783 гг., которая, решая антиколониальные задачи, одновременно стала и внутривнутриполитической революцией, серьезно трансформировавшей в либерально-демократическом направлении практически все стороны американского общества. Революция укрепила либерально-капиталистический индивидуализм в качестве основополагающего архетипа североамериканской цивилизации. В постреволюционный период тенденции революционной эпохи были определенным образом видоизменены, но также и закреплены.

В социально-экономическом плане Американская революция 1775–1783 гг. в первую очередь нацелилась на утверждение свободной конкуренции, идеальная модель которой была сформулирована в знаменитом “Богатстве народов” А. Смита, по символическому совпадению появившемся в том же году, когда была провозглашена американская Декларация независимости. Автор раскрывает неоднозначность введения “чистой” свободной конкуренции в Северной Америке. С одной стороны, резко оживились национальная торговля, промышленность, финансы, возросли социальная мобильность, вхождение в ряды предпринимателей удачливых представителей нижних слоев, но, с другой стороны, усилилось социально-экономическое расслоение американцев. Кроме того, свободная конкуренция стала достоянием только белых американцев, а большинство не белых жителей Америки продолжали оставаться в угнетенном положении. Сохранились и упрочились две разнородные капиталистические модели. Государственный фонд свободных западных земель, площадь которого многократно

превосходила территорию уже сложившихся штатов, оказался поделенным на две социально антагонистические части. Распространение рабства в северо-западной части было запрещено, и там все активнее развивались классические фермерские хозяйства. В юго-западной части рабство разрешалось, и это служило основанием для дальнейшего укоренения уникального экономического гибрида – рабовладельческо-капиталистических плантаций.

Демократические начала, по заключению автора, более успешно развивались не в экономической, а в политической сфере. В период Войны за независимость торжествовали демократические политические идеалы, вследствие чего во всех штатах были приняты республиканские конституции, закрепившие разделение властей, расширившие избирательное право (для мужского населения), поспособствовавшие выравниванию политического представительства и непосредственного участия в государственном управлении средних и нижних слоев. По мнению автора, по глубине и разнообразию демократических политических преобразований, Американская революция превзошла европейские революции переходной от феодализма к буржуазному строю эпохи.

В постреволюционный период государственно-правовые нововведения революции были пересмотрены с умеренных позиций, получивших отражение в федеральной Конституции 1787 г., действующей поныне. Но конституционный ревизионизм, доказывает автор, был не антидемократическим переворотом, а типично постреволюционной фазой, означавшей приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей приобрели господствующие позиции в экономике и социальной структуре. Кроме того, в отличие от европейских элит, ее авторы обнаружили способность находить такой общий конституционный знаменатель, который, удовлетворяя классовые интересы верхов, согласовывал их, так или иначе, с интересами электората в целом. Конституция предстала как двойной общественный договор: между разными группами верхнего класса, согласовавшими с помощью компромиссов собственные интересы, и между верхним классом и обществом в целом. Этот компромиссно-договорный характер взаимоотношений между социально-политической элитой и обществом стал важной чертой американской политической культуры.

Третий период американской истории, выделенный в монографии в качестве самостоятельного и охватывающий 1820–1870-е годы, обозначен как вторая (после Войны за независимость и образования Соединенных Штатов) либерально-капиталистическая трансформация США. Она, в свою очередь, по социально-политическому наполнению разделена на два этапа. Первый, охватывающий 1820–1840-е годы, вошел в историю под именем джексоновской демократии, а второй, вбирающий 1850–1860-е годы и первую половину 1870-х годов, ознаменовался острым конфликтом по поводу рабства, Гражданской войной и Реконструкцией – радикальным преобразованием общественного строя южных штатов. Между двумя этапами, по заключению автора, существовало и сходство, заключавшееся в упрочении либерально-демократических начал американского общества, и серьезное различие. Различие состояло в том, что на первом этапе проблема рабства не выдвигалась в повестку дня центральных общественных дискуссий и баталий. Его главное содержание – конфликты внутри белого населения по вопросам о способах и формах распределения экономической и политической власти между разными социальными слоями. На втором этапе главным был также конфликт между разными слоями белого населения, но теперь они разделились в отношении к рабству. По завершению этого этапа американский капитализм обрел свою классическую форму.

В экономическом отношении два этапа были связаны генеральной тенденцией дальнейшего распространения и полного торжества рыночно-капиталистической составляющей национальной экономики. Мощный рывок был совершен как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, успехи которого были в значительной мере связаны с массовым освоением белыми американцами из разных, но в первую очередь средних слоев, земель Запада. Именно в тот период Запад начал играть роль третьего, наряду с Севером и Югом, важнейшего экономического региона Соединенных Штатов, а продвижение

в этот регион в глазах ряда наблюдателей выступило отличительной и выигрышной цивилизационной чертой США.

Основу же североамериканской цивилизации продолжал составлять либерально-капиталистический индивидуализм, который еще более упрочил свою позицию общенационального кредо, подчиняющего ментальность разных классов и социальных групп. Его влияние среди большинства американцев сохранялось, несмотря на то, что плоды рыночно-капиталистического развития, как и прежде, распределялись неравномерно. Несмотря на это, в массовой ментальности был прочен “эгалитарный миф”; огромная часть белых американцев верила, что в стране существуют реальные возможности для индивидуального успеха, вхождения, как минимум, в средний класс при условии терпеливого и настойчивого труда, инициативности и предприимчивости. “Эгалитарный миф”, в разные периоды в разной степени подтверждаемый историческими реалиями, все более превращался в фундаментальный национальный социокультурный феномен и в качестве такового серьезно сглаживал антагонизмы и конфликты между классами.

Вместе с тем, наряду с эгалитарным мифом существовала неудовлетворенность “восходящих” социальных слоев тем, что возможности экономической конкуренции, как и возможности влияния на политическую власть были распределены неравномерно и оказались несправедливо сосредоточены в руках сформировавшихся в прежние эпохи верхних слоев. Это породило главный социальный конфликт 20–40-х годов XIX века: между теми слоями белого населения, которые уже обросли определенными статусами, правами и привилегиями, и теми слоями, которые таковыми были обделены, но на них все более активно претендовали. Их интересы и требования в совокупности и вызвали к жизни джексоновскую демократию 1830–1840-х годов. Экономические, социальные и политические реформы эпохи президентства Э. Джексона и его последователей были разнообразны, а их лейтмотивом было утверждение равенства, как оно воспринималось в американской национальной ментальности – равенство возможностей для разных социальных слоев в основных жизненных сферах. Историческое значение джексоновской демократии, доказывает В.В. Согрин, при всех ее ограничениях заключалось в закреплении и развитии либерально-демократических начал белой Америки.

С 1850-х годов на первое место среди белых американцев выдвинулся конфликт по поводу рабовладения. Автор обосновывает то положение, что большинство белых американцев из свободных штатов волновало не черное рабство как таковое, а стремление плантаторов Юга распространять рабовладение на свободные территории Запада. Север же пришел к убеждению, что свободные земли Запада должны служить основой экономического благополучия нерабовладельческих слоев белых американцев. Американцы из свободных штатов, даже не будучи в большинстве озабочены судьбой черных рабов и сохраняя глубокие расовые предрассудки и убеждения, в десятилетие перед Гражданской войной, доказывает автор, вошли с южанами в такие конфронтационные отношения, что стали воспринимать конфликт Севера и Юга как столкновение двух несовместимых цивилизаций. И возглавившая северян Республиканская партия нацелилась на либерально-демократическую революцию, которая призвана была обеспечить не только общенациональное торжество буржуазно-либерального миропорядка, но и улучшение статусных позиций и экономического положения нижних слоев белого населения.

Хотя Республиканская партия хотела благодетельствовать за счет рабовладельцев только нерабовладельческие слои белого населения, логика революционного конфликта и политическая целесообразность привели ее уже в разгар Гражданской войны к принятию цели освобождения черных рабов, а позднее и наделения их гражданскими и политическими правами. В результате Гражданская война и последовавшая за ней Реконструкция Юга предстали масштабной социальной революцией.

Гражданские и политические права были предоставлены бывшим рабам на первом этапе Реконструкции в ответ на попытки бывших рабовладельцев вернуть утраченные экономические и политические позиции и установить в южных штатах режим реставрации. Северные политики в этой ситуации ввели в южных штатах чрезвычайное

управление и пошли на новые уступки чернокожим американцам, дабы заручиться их твердой поддержкой в новой схватке с южной олигархией. Эта цель была достигнута, и в течение нескольких лет капиталистическая цивилизация восторжествовала на территории всех Соединенных Штатов. Но после этого северные политики совершили предательство в отношении чернокожих союзников, закрыв глаза на распространение в южных штатах режима расовой сегрегации.

Но означало ли предательство северян провал Реконструкции? Задавшись этим вопросом, автор предлагает искать ответ в конкретно-историческом определении целей Реконструкции. Для ее творцов, указывает он, главная цель заключалась отнюдь не в уравнении в правах черной и белой рас, а в отсечении от экономической и политической власти рабовладельцев и утверждении начал чистого капитализма в общенациональном масштабе. Эта цель была достигнута. Именно в годы Реконструкции капитализм прочно укоренился во всех регионах, и его развитие пошло семимильными шагами, так что через двадцать лет США прочно вышли по всем экономическим показателям на первое место в мире. Что касается чернокожих союзников, то они были прагматично использованы белой либерально-капиталистической цивилизацией для достижения этой цели, а затем “поставлены” на то место, которое эта цивилизация в действительности только и готова была им предоставить в своем лоне. Примечательно, что предательства Республиканской партией чернокожих союзников основные массы белых американцев – не только из верхнего, но также из среднего и нижнего классов – даже не заметили. И после Гражданской войны и Реконструкции белая Америка оставалась расистской, а капиталистический Север был вполне удовлетворен тем, что торжество его принципов в общенациональном масштабе совместилось с сохранением расового неравенства. США понадобилось еще сто лет для того, чтобы осознать и признать несправедливость последнего.

Последовавший вслед за Гражданской войной и Реконструкцией этап, выделенный автором в самостоятельный (конец 1870-х–1910-е годы), закрепил и развил как позитивные, так и противоречивые тенденции и результаты предшествующего этапа. В экономике на господствующей позиции прочно утвердился крупный бизнес. В советской американистике это расценивалось как установление господства монополистического капитализма, который прочно подчинил себе экономическую, социальную и политическую сферу и породил стадию “загнивания” буржуазной цивилизации. В монографии В.В. Согрина данная концепция подвергнута критическому переосмыслению. Монополизация, доказывает автор, в действительности выступала в качестве важной тенденции, которая не смогла восторжествовать в полной мере и отменить конкуренцию. Тенденция монополизации развивалась по восходящей линии до рубежа XIX–XX вв., затем пошла на спад, и в американской экономике установился режим конкуренции крупных корпораций, оставлявший также место для среднего и мелкого бизнеса. В целом период 1870–1910-х годов в американской экономике может быть определен как эпоха не монополистического, а корпоративного капитализма. Именно выдвижение на господствующую экономическую позицию крупного корпоративного капитала явилось важнейшим следствием победы капитализма над рабовладением в эпоху Гражданской войны и Реконструкции.

Это явление в свою очередь повлекло другие серьезные изменения в американской экономике. Впечатляющим было ее ускорение. В середине 1890-х годов США вытеснили Великобританию с первого места в мире по промышленному производству. Их удельный вес в мировом промышленном производстве, составлявший накануне Гражданской войны 17%, сорок лет спустя увеличился вдвое. Скачок был в значительной мере следствием экономической эффективности корпоративного капитализма. К росту этой эффективности прямое отношение имели организаторские и коммерческие способности “капитанов индустрии”, как современники нарекли творцов большого бизнеса.

Но современники также дали им имя “баронов-разбойников”. За ним скрывались противозаконные действия, включавшие прямые преступления против конкурентов, подкупы государственных лиц всех рангов, стремление к утверждению всевластия

денег. При этом “капитаны индустрии”, они же “бароны-разбойники”, твердо следовали национальному кредо либерально-капиталистического индивидуализма, но придали ему новую, откровенно жесткую и циничную социал-дарвинистскую форму. Они навязывали, и не без успеха, подобное восприятие одной из основополагающих американских ценностей всей нации. А сама американская элита и власть во все большей мере приобретали олигархический характер. В последней четверти XIX в. обнаружилось, что демократия, казалось бы, прочно укоренившаяся в предшествовавшие периоды, не стала самодовлеющей и самовоспроизводящейся величиной, а наполнялась конкретным содержанием в зависимости от соотношения различных социально-политических сил. Также выяснилось, что политическая конкуренция явно благоволила к тем, кто обладал большей экономической властью и более прочными социальными позициями. Кризис испытывала не только демократия, но и другие американские установления и ценности. В условиях быстрого сокращения государственного земельного фонда и заполнения большинства экономических позиций и ниш крупными корпорациями резко сократились возможности вхождения в верхние и средние собственнические слои представителей нижних социальных групп. Это повлекло падение влияния в массовой ментальности традиционных либерально-капиталистических идеологов.

Данные обстоятельства обусловили возникновение беспрецедентных социальных конфликтов внутри белого населения США. Они, по заключению автора, стали приближаться к европейским аналогам. Но уже в начале XX в. радикализация массового социального протеста была остановлена, и он достаточно быстро пошел на спад. В книге рассмотрены разные причины этого, а на одно из первых мест поставлены обнаружившиеся у влиятельной части политической элиты желание и способность к реальным социально-политическим компромиссам с большинством гражданского общества. Прогрессивная эра начала XX в. реанимировала согласительные механизмы и мотивы американской политической власти. Наличие таких механизмов, мотивов, возможностей в американской политической системе раскрыло уязвимость прогностических построений представителей марксистского социализма, касающихся исторических перспектив капиталистической цивилизации. Действительно и К. Маркс и его последователи, включая В.И. Ленина, исходили из того, что в этой цивилизации отсутствует сила, способная успешно и просвещенно противостоять углублению и, в конечном счете, взрыву, в первую очередь, ее главного антагонизма – между трудом и капиталом. Но согласительные социальные действия политической элиты США начала XX в., выразившиеся в освоении идеологии и стратегии социального либерализма (он был подробно исследован автором в его прежних работах), проведении разнообразных реформ, позволили миновать опасные общественные рифы и упрочить либерально капиталистическую цивилизацию.

Следующая принципиально важная эпоха истории США, проанализированная в монографии, охватила период между двумя мировыми войнами XX в. США, закрепившие за собой в годы Первой мировой войны позиции ведущей экономической державы, стали предлагать мировому сообществу собственную общественно-историческую модель в качестве образца. Но сам американский образец претерпел в рассматриваемую эпоху серьезную трансформацию: если в 1920-е годы в США наблюдалась реанимация классического либерально-индивидуалистического варианта капиталистического развития, то затем, под воздействием экономического кризиса 1929–1933 гг., американский политический класс и общество в целом должны были восстановить и активно развивать подходы и механизмы Прогрессивной эры.

1920-е годы в историческом сознании американцев, как и в исторической литературе США, традиционно обозначаются как “десятилетие процветания” (просперити). Совсем иначе подавался этот период советскими американистами. Они отталкивались от трактовки основной части истории 1923–1929 гг. как периода “временной и частичной стабилизации капитализма”. Такое определение означало, что в эпохе общего кризиса капитализма, начавшейся, согласно советской историографической концепции, с Октябрьской 1917 г. революции в России, то был период краткого торможения эко-

номического и социально-политического упадка капитализма, принципиально на его судьбы никак не повлиявшего. Данная схема распространялась и на США.

В монографии В.В. Согрина эта схема подвергнута критическому пересмотру. Очевидными представляются экономические достижения десятилетия просперити. На всем его протяжении наблюдались бум технического изобретательства и массового внедрения этих изобретений в производство, повышение инвестиций в отрасли, ориентированные на массового потребителя, снижение издержек производства за счет рационализации в организации труда, резкий и перманентный рост его производительности, продолжающаяся индустриализация “вширь” и “вглубь”, концентрация производственных мощностей и централизация процессов управления и контроля над ними.

Экономические успехи, доказывает автор, стали основанием становления в 1920-е годы таких социокультурных феноменов, как общество потребления и массовая культура, превратившихся в неотъемлемые черты современной американской цивилизации. Консюмеризм – приобретение и потребление товаров (автомобили, холодильники, пылесосы, радио и т.д.), которые улучшали быт и обеспечивали комфортное существование и, что не менее важно, воспринимались в общественном сознании как признак принадлежности к респектабельным слоям общества, становится новой основополагающей цивилизационной нормой Америки. Он укореняется в сознании не только верхних и средних, но также нижних слоев, которые получили возможность хотя бы отчасти приобщаться к обществу потребления при помощи кредита. Новая потребительская ментальность приобретала все более массовый, общенациональный характер, серьезно размывая и деформируя классовые субкультуры.

Десятилетие просперити явилось периодом отсутствия сколько-нибудь серьезных классовых конфликтов. Реальная напряженность в обществе создавалась конфликтами иного толка – социокультурными. Им автор уделил первостепенное внимание. Разразившийся в 1929 г. экономический кризис нанес сокрушительный удар по разным сторонам десятилетия просперити, но после того, как кризис был преодолен, матрица общества потребления 1920-х годов реанимировалась, а вместе с этим возродились социокультурные нормы десятилетия просперити, которые в современной Америке только упрочились. Его цивилизационное значение, по заключению автора, для США состоит в том, что в ряде важных отношений, особенно в социокультурном, современная Америка “стоит на плечах” 1920-х годов.

Что касается экономического кризиса 1929–1933 гг., то в трактовке его основополагающей причины автор близок к объяснению, разделяемому сторонниками концепции экономики спроса. Согласно ей, в то время как производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, ее потребительские возможности и совокупный покупательский спрос в силу эгоизма и экономического всевластия крупного бизнеса изменялись слабо, а в таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Такое объяснение похоже на марксистскую критику противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения при капитализме, которого придерживались советские авторы при анализе причин кризиса 1929–1933 гг. Но между концепцией экономики спроса, с одной стороны, и марксистской критикой, с другой, есть важное различие. Марксисты считали критикуемое ими противоречие фатальным для капитализма, заключавшим смертельный для него приговор, а концепция экономики спроса признала возможной нейтрализацию этого противоречия при помощи государственного реформаторства. Президент США 30–40-х годов XX в. Ф.Д. Рузвельт и его последователи, воспринявшие концепцию экономики спроса, доказали на практике, что американское государство при помощи реформ, направленных на радикальное расширение покупательской способности нижних слоев, было способно лечить катаклизмы, подобные кризису 1929–1933 гг.

При рассмотрении рузвельтовской либерально-демократической альтернативы 1930-х годов автор уделил особое внимание критической проверке распространенного в работах как отечественных, так и американских авторов вывода о том, что Новый курс Рузвельта не смог бы вывести страну из экономического кризиса, если бы

не началась Вторая мировая война. Вопреки этому положению, в монографии доказывается, что в 1939–1940 гг., то есть еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели экономического развития предкризисного периода были не только достигнуты, но и превзойдены. Безработица оказалась в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Осуществилась стабилизация цен – их колебания в 1930-е годы были незначительны. Вступление США во Вторую мировую войну ускорило восстановление экономических показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета американской экономики. В период рузвельтовского Нового курса была проведена серия реформ, направленных на расширение покупательной способности среднего и нижнего классов. Было создано американское социальное государство, предоставлявшее защиту людям в случае безработицы, наступления старости и так далее. Профсоюзы были наделены широкими правами по отстаиванию интересов трудящихся. Рабочие развернули широкое наступление на предпринимателей, стали реальной силой рыночной экономики, выиграли в рузвельтовский период 80% забастовок. Средняя реальная заработная плата рабочих за десять лет выросла в два раза, многие из них вошли в средний класс или вплотную приблизились к нему.

Заключительный шестой этап американской истории, выделенный в монографии, охватывает период от окончания Второй мировой войны по сегодняшний день. Экономические, социальные и политические перипетии этого этапа рассмотрены в книге сквозь призму смены индустриального общества постиндустриальным. В экономическом отношении она принесла с собой радикальное изменение в соотношении разных секторов экономики и выдвижение на ведущую позицию сектора производства услуг, а в нем в свою очередь производства знаний и информации. В развитии постиндустриальной экономики США неизменно удерживали мировое лидерство. Прямое отношение к этому имели американские цивилизационные архетипы, благоприятствовавшие экономическим успехам США и в предшествующие эпохи.

Важнейшее место среди этих архетипов продолжал занимать либерально-капиталистический индивидуализм, проявлявшийся в неизвестных другим нациям по своему размаху индивидуальной предприимчивости, готовности к риску в самых разных начинаниях, нацеленности на материальное благополучие и приумножение собственности. Господствующие позиции в экономике сохранял корпоративный капитал, но его господство не отменяло режима свободной конкуренции. Она оставалась основополагающим механизмом успехов как экономики в целом, так и возвышения наиболее предприимчивых и эффективных корпораций. Если в третьей четверти XX в. 50%-процентное обновление списка 500 крупнейших компаний США занимало 20 лет, то на рубеже веков оно осуществлялось уже в течение 3–4 лет.

Большая, в сравнении с другими капиталистическими странами, эффективность частного бизнеса в США объясняет как сохранение им более прочных позиций в национальной экономике, так и меньшее вторжение в нее государственной власти. В государственной экономической политике выработались две различающиеся модели, которые в монографии обозначаются как либеральная и консервативная. Либеральная модель, развивавшая подходы Ф.Д. Рузвельта, уделяла особое внимание повышению покупательной способности населения, развитию программ государственных экономических и социальных услуг населению, в первую очередь в области социального страхования и вспомоществования, здравоохранения, образования. Консервативная модель, пестовавшаяся Республиканской партией и ставшая известной как “экономика предложения” (в отличие от “экономики спроса”, отстаивавшейся Демократической партией) делала упор на расширение и стимулирование рыночных возможностей бизнеса, расширение в обществе роли и удельного веса частных институтов и инициатив. Чередование двух моделей в экономической политике государства определялось изменениями в реальных запросах и потребностях общества, эти изменения в значительной мере определяли смену у руля власти одной из двух главных партий другой и соответственно смену модели экономической политики.

Смена индустриального общества постиндустриальным сопровождалась серьезными изменениями социальной структуры и социальных отношений в США. Подвергся резкому сокращению классический промышленный пролетариат, а на ведущую позицию в занятом населении выдвинулись “беловоротничковые” работники, число которых в занятом населении за полвека выросло до более чем 80%. Хотя большинство “белых воротничков” по месту в системе производственных отношений оказывались близки к классическому пролетариату, их статусные позиции, определяемые уровнем образования и доходов, условиями труда, досугом и увлечениями, жилищными условиями, профессиональным ростом и так далее, обладали серьезными отличиями. “Беловоротничковые” слои идентифицировали себя со средним классом, к которому в прежнюю индустриальную эпоху причислялись главным образом представители собственнических слоев. В связи с подобным изменением в постиндустриальном обществе среднего класса его стали разделять на “старый”, включающий традиционные слои, и “новый”, состоящий главным образом из “беловоротничковых” специальностей. “Старый” и “новый” средний класс, объединяемый на основе схожих статусных и ментальных характеристик, достиг двух третей американского общества и выступил в качестве главного стабилизатора его социально-экономических и политических основ.

Структурные изменения, вызванные сменой индустриального общества постиндустриальным, доказывает автор, имели прямое отношение к изменениям содержания и характера социальных взаимоотношений и социальных конфликтов в США. Социальные конфликты, занимавшие центральное место в американском обществе в прежние эпохи, в первую очередь конфликт между промышленным пролетариатом и капиталом, а также между крупным бизнесом и мелкими собственниками, пошли на убыль. Это ярко проявилось в упадке профсоюзного движения и фактическом исчезновении левых политических партий. В постиндустриальном американском обществе социальная напряженность создавалась иными силами и движениями, среди которых в качестве главных в монографии были выделены новые левые, афро-американцы, а также женские движения. И если новые левые не смогли удержаться на исторической сцене более одного десятилетия и внести принципиальные изменения в американский социум, то афро-американцы и женские движения на него серьезно повлияли.

И те, и другие добились, как показано в монографии, реальных успехов в борьбе за одну их главных американских цивилизационных ценностей – равенство возможностей, включающего равенство гражданских и политических прав, как и конкурентных экономических возможностей. Чернокожие американцы с помощью белых союзников в 1950–1970-е годы смогли осуществить, по сути, вторую американскую Реконструкцию, которая реанимировала, упрочила и серьезно расширила наследие Реконструкции 1860–1870-х годов. Достижения женских движений в постиндустриальной Америке приравнены автором к мирной гендерной революции, которая радикально изменила положение женщин в американском обществе, привела если не к полному, то приближающемуся к нему выравниванию социальных статусов полов.

Наряду с выводом, что в постиндустриальной Америке улучшились статусные позиции и экономическое положение приниженных прежде социальных групп (женщин, чернокожих, иммигрантов, пожилых людей), автор приходит к выводу, что неравенство между тремя основными экономическими классами – верхним, средним, нижним – не уменьшилось, а в последние десятилетия даже увеличилось. Парадокс состоит в том, что среди женщин, чернокожих, иммигрантов, пожилых, улучшивших свое положение в целом, одновременно развивалось имущественное неравенство, воспроизводящее классическую экономическую пирамиду американского общества. Граждане США разделены на три экономических класса (верхний, средний, нижний) со зримыми, во многих отношениях остро неравными параметрами существования. Названные социальные группы, в целом улучшая свое положение, вместе с тем распределялись в этих неравных экономических классах.

И здесь, показывает автор, мы сталкиваемся еще с одним историческим парадоксом США: несмотря на то, что американцы за четыреста лет добились реального, хотя

далеко не полного успеха в реализации принципа равенства возможностей граждан, они не смогли существенно поколебать неравенство в распределении национального богатства между разными экономическими классами. Это не означало абсолютного ухудшения экономического положения нижних классов, напротив, оно всегда было одним из лучших, а на многих исторических этапах вообще лучшим в мире. Но это означало, что относительное неравенство в экономическом положении классов практически не сокращалось или сокращалось незначительно, и по этой причине экономические контрасты в постиндустриальной Америке при всем том, что она лидирует в развитии современной экономики, оказались глубже, нежели в других странах западной цивилизации. Одну из главных причин этого автор видит в устойчивой цивилизационной особенности Америки, возникшей на заре ее существования и заключающейся в закреплении основополагающей роли индивидуальной ответственности за жизненный успех или поражение индивидуума. По меркам многих других стран западной цивилизации подобная максима является консервативным анахронизмом, но в США она разделяется большинством населения и сохраняет прочное влияние в национальной ментальности.

При характеристике политической власти в постиндустриальной Америке автор соотносит ее с разнообразными типами демократии, известными на сегодняшний день политической науке, и определяет ее как элитарно-плюралистическую демократию. В новейшее время в США упрочились позиции демократических норм, процедур, институтов, определяющих возможности воздействия народа на политическую власть. Расширились возможности воздействия на политическую власть разных социальных групп, в том числе из нижнего класса. Вместе с тем, политическая активность подавляющего большинства граждан исчерпывалась участием в избирательных кампаниях и, как и в прежние исторические эпохи, основная масса избирателей выступала в роли “покупателей” тех или иных политических программ, делая выбор из идей и кандидатов, поставляемых социально-политической элитой. В постиндустриальной Америке элита сохраняет господство, лидерство или превосходство в главных общественных структурах и институтах, что позволяет ей оказывать решающее воздействие на принятие властных решений.

Основу американской модели взаимоотношений внутри двухпартийной системы продолжали составлять принципы консенсуса и альтернативности. В 1930–1960-е годы альтернативность позиций двух партий выражалась главным образом в различиях их социально-экономической политики. В последующие десятилетия произошло сближение социально-экономических платформ двух партий, а основное различие между ними переместилось в сферу социально культурных ценностей. В набравших в последние десятилетия в США силу “культурных войнах” Республиканская партия выступала на стороне традиционных ценностей, а демократы – на стороне культурного либерализма, восприятия и поддержки нетрадиционных ценностей, все более прочно укоренявшихся в постиндустриальной Америке. Роль социокультурных разногласий в американском обществе нарастала; по сути в стране происходил культурный раскол и две главные партии возглавили противоборствующие силы. Это послужило причиной мутации социальной базы каждой партии, в результате чего в последние десятилетия она, в сравнении с периодом 1930–1970-х годов, претерпела разнообразные изменения.

В целом современный исторический этап обнаруживает как важные отличия, так и преемственность с предшествующими периодами американской истории. В США и поныне сохраняются архетипы и факторы, зародившиеся на более ранних, в том числе начальных этапах истории. Их воздействие на четырехсотлетнюю американскую историю противоречиво, как противоречивы и ее итоги.

В исследовании В.В. Согрина ставилась цель возможно полнее раскрыть, а также объективно соотнести разные стороны исторической эволюции американской цивилизации. Концепции и выводы его глубокой и оригинальной работы имеют дискуссионный характер; они, возможно, будут по разному восприняты читателями, но очевидно, что это один из самых весомых трудов в отечественной американистике, творческий характер которого неоспорим. Монография В.В. Согрина расширяет перспективу дальнейшего углубленного изучения всех важных проблем истории США.